

Дарья Кузнецова



Божественный яг

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
К89

Кузнецова, Д.

К89 Божественный яд / Д. Кузнецова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 378 с. — (Проза Дарьи Кузнецовой).

ISBN 978-5-521-91462-3

Если судьба даёт второй шанс, глупо им не воспользоваться, даже если ради этого нужно рискнуть.

Так или почти так рассуждала Идана Морнхут, потомственный техномаг, сбегая от своего прошлого в соседнюю страну, чтобы там выйти замуж в подкрепление политического союза. Спокойный брак, техномагическая лаборатория и исследования в области протезирования — примерно так она видела своё будущее. И всё это у неё будет, если она выберет правильного мужчину. А если выберет неправильного... Что ж, это хороший шанс узнать много нового!

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-91462-3

© Дарья Кузнецова, текст, 2024
© Ольга Есина, дизайн обложки, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Пролог

Главный компонент

*Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всесильным везиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, —
Грудь умершей красавицы или щека.*

Омар Хайям

Темнота пахла терпко и остро, оставляя на языке железистый привкус крови. Она пульсировала и переливалась, скручивалась в жгуты и норовила захлестнуть чью-то шею смертельной петлёй.

Дым курильниц, расставленных по периметру небольшой круглой комнаты, стелился по стенам, медленно закручиваясь спиралью, и нехотя протягивал тонкие лапы в центр — как будто боялся и не желал удаляться от тлеющих углей, служивших единственным источником света.

Их было шесть — фигур в бесформенных белых одеждах. Они стояли вокруг сложного узора, начертанного на гладком сером камне углём и розоватым, замешанным на крови мелом. Все шестеро не замечали тревоги дыма и поползновений тьмы. В руках блестели одинаковые ножи с узкими лезвиями, и каждая из белых фигур расчерчивала пространство вокруг себя быстрыми взмахами, бормоча что-то своё.

Дарья Кузнецова

Но кажущаяся хаотичность подчинялась общему ритму, словно пульсу огромного сердца. Несколько стремительных движений — пауза, черед росчерков — пауза.

Вот на мгновение воцарилась тишина, и замерли не только фигуры, но даже тьма и дым предстали потёками густой смолы на стекле.

Восковое молчание оборвалось одинаковым движением — все шестеро полоснули лезвием по ладони, едва заметно обагрив клинок кровью.

И вновь монотонное бормотание, и новые всплески отточенной стали в воздухе — быстрые, уверенные, далеко не беспорядочные. Они медленно складывались в сложную паутину, заполнявшую всё пространство над чёрно-белым узором, развешивали на тонких дымных нитях клочья железнистого запаха и заполняли пустоту если не смыслом, то — его предчувствием.

Когда стих первый из голосов, воздух в комнате зазвенел от напряжения и накалился. Вот умолк второй, и третий, и с каждым мгновением всё тяжелее становилось дышать, словно ритуал совершался не в сыром тихом подвале, а в разогретой кузне, в жерле вулкана.

Вот последний из участников выкрикнул завершающее слово и полоснул ножом сверху вниз, раскалывая пространство. На мгновение повисла пронзительная, острая тишина, а потом каждого из присутствующих с силой толкнуло в грудь, словно ударило туго набитым мешком. Кто-то отпрянул и упал, но почти сразу вскочил, кто-то охнул и выронил нож, и только двое устояли, почти не дрогнув.

Трое...

Посреди круга, босыми ногами попирая и смазывая чёрно-белый рисунок, возник обнажённый мужчина. Его смуглую кожу покрывала вязь белых застарелых шрамов, повторявших исчертившие пространство взмахи ритуальных ножей. Глаза были черны и пусты, а лицо скрывалось за тонкой паутиной длинных волос. Гладкие чёрные пряди стекали до пояса, частью закрывая узор и сильное, жилистое молодое тело. Пропорционально сложенный, с длинными ногами и узкими стопами, с гибкой талией и ухоженными руками, он совсем не казался больным или измождённым. Но стоял, едва не падая. Его колени дрожали, а плечи клонились к земле, словно на них лежал непосильный груз.

Медленный, неверный шаг вперёд, на длину стопы, ещё один такой же. А третьего шага не вышло, мужчина почти беззвучно осел на камень. И только дым и темнота испуганно плеснули в разные стороны. Или то была сухая угольная и меловая пыль от окончательно разрушенного рисунка?..

Несколько мгновений шесть фигур в балахонах стояли неподвижно, а потом одна из них — та, что завершила ритуал последним взмахом, — грязно ругнулась себе под нос, скинула капюшон и бесхитростно сунула кинжал за пояс.

— Какого круша?! — возмутился молодой мужчина с аккуратно собранными в косу чёрными волосами. Карие глаза блестели гневом, он подошёл к стене и хлопнул по ней ладонью. Тут же по комнате разлился тёплый свет, который испускало круглое жёлтое пятно на потолке. — Фанис, это твои глупые шуточки?!

Дарья Кузнецова

— Да в мыслях не было! — очнулся Фанис Морской Огонь, тоже стянув капюшон. Совсем молодой худощавый парнишка выглядел недовольным, но взгляд его так и искрился неудержимым любопытством.

— Не горячись, Сулус, как бы он это провернул? — мягко урезонил мужчина намного старше этих двоих, черноту волос которого время щедро присолило проседью. — Эксперимент пошёл немного не так, как ожидалось. Можно подумать, впервые! Заметьте, коллеги, пространственное перемещение действительно состоялось! Ещё бы понять, кого именно и откуда?..

— Может, работу над ошибками мы проведём чуть позже? — сварливо предложила пожилая женщина, которая успела опуститься на колени рядом с лежащим телом. Уголь и мел рисунка, попадая на белое полотно её одежд, безвредно осыпались, не оставляя пятен, так что она позволяла себе подобную небрежность легко, не задумываясь.

— Туаара? — уточнил тот, кого называли Сулусом.

— У мальчика сильное энергетическое истощение, ему нужна помощь целителя! Кутум?.. — Туаара Песчаная Змея окликнула ещё одного мужчину.

— Да, сейчас, — опомнился названный, тоже откинул капюшон и опустился на колени с другой стороны от распростёртой фигуры.

— Мой принц, если мне будет позволено сказать... — пробормотал Фанис, не отрывая взгляда от тела, над которым колдовал целитель.

— Говори, конечно. И прости, я погорячился, обвинив тебя.

Фанис торопливо склонил голову, принимая извинения, и продолжил:

— Мне кажется, я знаю, кто это. Эти знаки на коже...

— И кто же?

Юноша поднял на Сулуса полный восхищённого благоговения взгляд, и тот остро, всем сердцем почувствовал одно: ответ ему не понравится.



Глава 1

Добыча сырья: правила времени, правила места

*Безгрешный есть ли человек? Скажи!
Нам без греха прожить ли век? Скажи!
За зло спеша карать нас злом, скажи:
Святее нас ты в чём? Скажи!*

Омар Хайям

Анина Морнхут, достойная фрау и почтенная мать семейства, не имела магического дара и магию недолюбливала, но давно уже привыкла считаться с её существованием. Одним из этих вечных компромиссов являлась необходимость заходить в мастерскую, порой по несколько раз в день, поэтому зловещее и пропитанное резкими неприятными запахами место уже не пугало и не казалось преддверием Бездны. Однако удовольствия эти визиты не доставляли, поэтому женщина позволила себе короткую гримасу недовольства до того, как повернуть ручку.

Вошла она, как обычно, без стука, тихонько, и сначала внимательно пригляделась, что происходит внутри. Да, Анина была далека от магии, химии и механики, но когда в твоей семье три фанатичных изобретателя, за одним из которых ты замужем больше тридцати лет, волей-неволей выучишь тех-

нику безопасности и едва ли не самое главное правило: не говорить под руку. Полбеда, если соскочит отвёртка или деталь ляжет как-то не так, но если, не дай Защитник, в этот момент в руках колба с кислотой?

Правда, сейчас в мастерской стояла непривычная тишина. Обычно здесь что-то щёлкало, пыхтело, клокотало и позвякивало, а то и вовсе клубился едкий пар и грозно гудела огромная вытяжка. Но сейчас тишину нарушал только шорох бумаги. Анина перевела дух и уверенно шагнула внутрь, с укором рассматривая ссутуленную спину дочери: опять без корсета, опять носом в книжке, опять в этом ужасном синем безобразии!

«Безобразие» смущало почтенную фрау меньше всего: она понимала, что в этом месте разумнее находиться в потёртом рабочем халате, чем в платье, подобающем молодой девушке из хорошей семьи.

Но эта спина...

— Идана, ап! — не выдержала достойная мать семейства.

Дочь сначала резко выпрямилась и только через мгновение обиженно обернулась.

— Матушка, ну я же не собака! Что ещё за «ап»? Вы бы меня ещё за апортом послали!

— Но ведь работает, — позволила себе лёгкую улыбку Анина, любясь тем, как младшая из трёх её детей досадливо дует губы и нервным, очень знакомым и любимым, совершенно отцовским жестом поправляет небольшие круглые очки. — Если бы ты не имела привычки водить по своим схемам носом, то не пришлось бы тебя одергивать, да и в очках ты, может, не нуждалась бы.

Она приблизилась и, не удержавшись, пригласила встопорщенные светлые кудряшки. Идана не стала уворачиваться от этого жеста, улыбнулась.

— Матушка, вы ведь знаете, что это не помогло бы. Волдо никогда не корпел над чертежами и не любит мастерские, однако у него тоже плохое зрение. Это наша семейная черта!

— Кто знает? Защитник милостив и добр.

— Да, словно у него других дел нет, как только и следить, кто при каком свете читает! — развеселилась Идана. Подобные разговоры происходили у них с завидным постоянством, и ни одну это не беспокоило. — А вы просто так зашли или что-то случилось?

— К ужину прибудет королевский посланник, и я хотела предупредить тебя об этом. — Мать посмотрела на дочь со *значением*, выразительно приподняв бровь.

— Да, матушка, — обречённо вздохнула Идана, поглядела на часы над столом. — Не волнуйтесь, я не уроню фамильную честь, — слабо улыбнулась она ещё одной давней семейной шутке. — А чем мы обязаны такому визиту? Надеюсь, фабрика...

— О нет, не волнуйся, с делами фабрики это никак не связано, а если и связано, то вряд ли грозит неприятностями. Тон письма явно благосклонный, да и появление вестника к ужину — хороший знак, сама понимаешь. Но послание весьма интригует, поскольку сопровождается настойчивой просьбой не распространяться о визите и исключить присутствие посторонних. Отец обещал успеть к ужину. Надеюсь, не отвлечётся на очередной конструкт и не забудет о семье! Ида, милая, надень бирюзовое